

УДК 1 (091)

Физический романтизм М.М. Пришвина и современное экологическое сознание

Фалько Владимир Иванович

vfalco@yandex.ru
SPIN-код: 8481-5224

МФ МГТУ им. Н.Э. Баумана, Мытищи, Россия

Аннотация. Рассмотрена экофилософия любви к Природе и Человеку М.М. Пришвина в контексте современных трансформаций Техники. Показано экофилософское значение мировоззрения физического романтизма для гармонизации системы «Природа — Человек — Техника». Раскрыто содержание понятия «физический романтизм» как самоопределения мировоззрения писателя, в сопоставлении с физикализмом. Предложено понятие романтического физикализма как современного одухотворения природы. Сделан вывод о значении физического романтизма М. Пришвина для формирования современного экологического мировоззрения.

Ключевые слова: физический романтизм, любовь, полное духовное соответствие, экологическое мировоззрение, романтический физикализм

M.M. Prishvin's physical romanticism and modern ecological consciousness

Falko Vladimir I.

vfalco@yandex.ru
SPIN-code: 8481-5224

Mytishchi branch of BMSTU, Mytishchi, Russia

Abstract. This article examines M.M. Prishvin's ecophilosophy of love for Nature and Man in the context of contemporary transformations of Technology. The ecophilosophical significance of the worldview of physical romanticism for harmonizing the system of Man, Nature, and Technology is demonstrated. The concept of "physical romanticism" as the writer's self-definition of his worldview is explored in comparison with physicalism. The concept of romantic physicalism as a modern spiritualization of nature is proposed. A conclusion is made about the significance of M. Prishvin's physical romanticism for the formation of a modern ecological worldview.

Keywords: physical romanticism, love, complete spiritual correspondence, ecological consciousness, romantic physicalism

Введение. Современные трансформации исторического времени ставят перед экофилософией человека и природы новые проблемы и задачи. Та роль, которую в наступающей эпохе, как ожидается, будут играть сотворчество человека, природы и техники, указывают на востребованность соединения теоретического и поэтического осмысления их общения для практики гармонизации отношений общества и среды обитания людей, собственной природы челове-

ка и искусственной реальности. Непревзойденным образцом поэтического творчества в области литературно-философского познания глубин и высот мироздания, неповторимых явлений и непостижимых тайн природы и искусства, внутреннего мира человека и коллективного разума людей, соединяемых любовью и умирающих в своих творениях, является наследие Михаила Михайловича Пришвина. Это неиссякаемый клад интеллектуальных и художественных открытий, полного духовного соответствия божественным и природным критериям. В то же время, необъятное и не всем понятное наследие русского писателя требует не только его популяризации, но и концептуального осмысления и соотнесения этого типа мировоззрения, определенного Пришвиным на склоне лет как физический романтизм, с физикализмом, распространенным в современном научном мировоззрении.

Цели исследования: 1. Показать смысл и роль поэтики литературного наследия Михаила Пришвина в условиях перехода к новой эре истории человечества. 2. Раскрыть содержание родственного внимания и других образных понятий в философии Пришвина, его физического романтизма и показать их значение для новейших природоподобных технологий искусственного интеллекта и развития человека, формирования всечеловеческого разума.

Материалы и методы. Дневники М.М. Пришвина и В.Д. Пришвиной, исследования творчества писателя, современная литература по экофилософии. Статья продолжает исследования и разработки автора в области пришивиноведения [1, 2], применяя системно-диалогический и экофилософский методы.

Результаты. Михаил Пришвин, признанный певец и философ Природы, писал в «Лесной капели»: Если я о природе пишу, то пишу о самом человеке... Но в его жизни и творчестве выделяется период зрелости, в котором Любовь к избраннице, ставшей его женой, поднимает на качественно новый, высший уровень его миропонимание, личность, образ жизни. Он творил, отдаваясь власти таланта и чувству единства с природой и вверяя свою волю Богу: «18 *Февраля* [1940]. ... Писать, значит, прежде всего, отдаваться этому целиком, в полном смысле душой и телом, выражая «Да будет воля Твоя». И когда найдешь, таким образом, точку равновесия, тогда-то начинается воля моя» [3, с. 90]. И в своем поэтическом, боговдохновенном творчестве философ леса видел себя «охотником за счастьем».

Но всю свою долгую жизнь писатель тосковал по самому насущному — по ответному слову понимающего друга: «Друг этот в его представлении женщина» [3, с. 25]. С детских лет Миши это была его любимая мать, чьими глазами он, став писателем, продолжал смотреть на окружающий мир и видел в нем Природу-мать. В более зрелом возрасте певец Природы обращается к ней как невесте, жене, другу: «...Писатель погружался в благоговейное созерцание своей вечной жены-природы» [4, с. 473].

И когда в его жизнь входит, наконец, по-настоящему любимый человек — жена Валерия, в них открывается единое духовное видение мира. Но еще до этого философ Природы и Человека открывает для себя и читателей его

дневников парадоксальное свойство любви, как совершенно особого предмета познания: «23 Июля 1937. В этом одном опыт не дает ничего, и даже наоборот: чем больше опыта, тем более неведомой остается область любви. Так что есть область жизни, которая не открывается в опыте» [3, с. 16–19]. (*Курсив мой.* — В.Ф.).

Думаю, что здесь любовь предстает не как объект познавательной деятельности, а как само высшее знание в его подлинной форме, дающей сверхопытно. Это дар Божий, творческая способность и поэтическое состояние души, постигающей мир, себя и ожидаемого Другого в реальности Мы, более высокой, чем Я и Ты. Кажется непостижимым, но Человек верен этой любви еще до встречи с Валерией: «не было никогда подмены в любви, никаких опытов: натура не позволяла. *Физический романтизм* — так определяет Пришвин под конец жизни *это свое свойство*» [3, с. 16].

Об этой спасительной, побеждающей время верности писал немного раньше, блаженно погружаясь в христианство, Габриэль Марсель в своем «Метафизическом дневнике»: «28 февраля 1929 ...Единственная возможная победа над временем, по-моему, состоит в верности. ...Верность, чтобы не быть бессмысленной и не превращаться в простое упрямство, должна иметь своим исходным пунктом нечто абсолютное» [5, с. 13, 14].

Вера и верность Любви как абсолюту чудесным образом творили, в соработничестве с Богом, не только лик, но живого человека — невесту, жену Михаила Пришвина, и его самого. Понимание любви как в том же духе, о котором писал до их встречи и во время совместной жизни, присуще и Валерии: «Идеал духовной близости... Это та же сила, которую писатель назвал в себе «физическим романтизмом»: нет полного духовного соответствия — нет ничего» [3, с. 19]. (*Курсив здесь и выше мой* — В.Ф.).

Любовь как духовная близость переходящих друг в друга людей творится ими в реальной жизни: «25 Февраля 1940, из дневника. Доведу любовь свою до конца и найду в конце ее начало бесконечной любви переходящих друг в друга людей» [3, с. 13], и в образе: «26 Февраля [1940]. ... Что «люблю» — это, несомненно, это заключено в образе. ... А дальше, как второй этаж этого «люблю», — бескорыстие, совершенная преданность и растворяемое в смирении эгоистическое самолюбие» [3, с. 102].

Возводя в абсолют источник духовной силы, совершенной преданности и смирения, Пришвин говорит о своем пантеизме, близости к язычеству большей, чем к аскетизму. Более того, при всей глубине веры в Бога, *физический романтизм* Пришвина включает в себе элементы магии: «19 Февраля [1940]. ... Люблю — это же и значит магия, обращенная ко времени: «Мгновение, остановись!» ... Или я, может быть, в это время почувствовал вечность в мгновении, как будто во мне заключена сила остановить мгновение... Или в этот миг любви зарождалось во мне чувство бессмертия» [3, с. 92].

В отличие от западного *вневременного* идеала остановленного мгновения, после которого Мефистофель отнимает душу у стремящегося к магическим тайнам Фауста, русский философ понимает его как *сверхвременную вечность*

в мгновении, и в этом чувстве бессмертия звучит животворящее тютчевское: «Продлись, продлись, очарованье!». Именно в телесности и временности бытия Человека, которое в физическом романтизме превосходит бестелесность «чистого» духа, и заключается подлинность и совершенство бытия в единстве с Природой и Богом.

Физический романтизм Пришвина непосредственно связан с его творчески понимаемым реализмом, который не заключается в объективизме и эмпиризме. Запись от 11 сентября 1944 г. так говорит об этом: «Вовсе и не надо для реалиста, чтобы в действительности было то, о чем он говорит. Нужно, чтобы он верил в действительность того, о чем он говорит, и обладал способностью уверить в этом читателя» [6, с. 357].

Обсуждение результатов. Когда писал статью и обсуждал с содокладчиком ее идею, Бог послал мне хранящуюся в смартфоне видеозапись песни Сергея Трофимова в исполнении Екатерины Шелеховой, лучше теоретических интерпретаций являющую физический романтизм. Мог бы сказать, что у певицы ангельский голос, если бы она не пела лучше ангела.

Вскоре, продолжая работу над настоящей статьей, я пережил столь же блаженное состояние. Слушая на концерте «Как звучит Рождество» в Московском международном Доме музыки, где выступал детский хор в сопровождении Президентского оркестра России. В моем восприятии, дети пели лучше ангелов.

Ангел совершенен, но бесплотен, а человек как ангел во плоти превосходит его и в любви, и в творчестве, наделяет свои творения и общение с другими людьми и природой таким бытием, которое не может творить ангел без человека.

Поэтому Пришвин не принимал аскетического идеала. Его ангел во плоти Валерия — не только прекрасна и талантлива, но и мудра, и любит сострадательно и жертвенно, как может только человек, прошедший через посланные и выпавшие на ее долю испытания.

И Бог Отец так возлюбил мир, что послал на заклание Сына не только во спасение мира как своего любимого творения, но мира, лежащего во зле, и падшего человечества, но также потому, что только став человеком, испытывав наивысшие страдания и сердечную боль, Он может в соработничестве с человеком уничтожить зло, которого Сам не творил.

И человечеству предстоит пройти через еще одно искушение — сатанинское состязание с Богом в искусстве творения совершенного постчеловека или в слиянии с ИИ. Испытывая небытийственность своих искусственных созданий, в том числе перенося свой дух из дарованной Богом и Природой телесности в информационную ВР, не обретет высот сверхразума, а встанет перед совершением последнего грехопадения. Его можно и нужно стремиться избежать, для чего надо заглянуть в бездну, из которой уже нет возврата, испытать боль не только душевную, но и духовную, и ужаснуться тем, что мы не достойны спасения, как не может обрести спасение падший ангел. При этом уже недостаточно для богочеловеческого спасения обратиться к Богу,

Спасителю как воскресшему и вознесшемуся телесно на небеса Сыну человеческому. Нужно обратиться к живым образцам человеческого совершенства — не безгрешным, но преодолевающим зло в сердце своем, имеющим иммунитет ко злу и пороку, лучшим среди нас — от младенцев до глубоких стариков, любящим своих ближних — тем, без кого Сам Господь нас не спасет, а лишь вместе с ними и нами.

Обратить взоры и на искусственность — то, что призван создавать только Человек, в том числе к рукотворному творчеству, и понять его смысл — есть ли в нем нечто спасительное для Человека и Мира. Пришвин не любил машину, как нечто чуждое человеку и лишаящее нас человечности. 12 июля 1944 г. он обращается к осмыслению ее натуры:

«Техника аморальна.

Техника завлекательна и затягивает в себя человека, подобно болоту... В технике ты тратишь время не для себя: ты делаешь машину, другой, ничего в ней не понимающий, садится в нее и едет. Связь этих двух людей не нравственная» [6, с. 353].

Но в современном мире есть такие образцы любви Человека к Технике, который присущ космонавтам и о котором говорил Олег Кононенко: любви к космическому кораблю, именуемому невестой людьми, вознесшимися к небесам, как осуществившему его мечту. И дело еще в том, что любовь к космическим летательным аппаратам отличается от любви к земным машинам и смартфонам, отделяющим нас от Природы — окружающей и собственной — и друг от друга, от самих себя. Космический корабль и орбитальная станция не просто защищают нас от грозящей нашей жизни среды космического пространства, но через создаваемую в них среду, средства связи с Землей, необычную практику труда и подвига, общения, созерцания и размышления, связывают Человека и с жизненной средой на земле, и с Космосом как Домом, общим для представителей не только земного вида Человека Разумного, но и Вселенского. Если бы в Технике, включая ИИ, было только начало неизбежного самоуничтожения Человека и не было бы спасительного, способного превзойти все угрозы, Разум во Вселенной уже давно бы себя истребил, и само мироздание было бы невозможно. Думаю, что спасительным может быть и то оружие, которым воин спасает бессмертие своего народа и Человечества, использует его не только для противления злу силой, но и для победы над ним.

Вместе с тем, в извечном споре о приоритете любви или войны Пришвин продолжает линию, идущую не от Гераклита к Гегелю и марксизму-ленинизму, а от Гомера и Эмпедокла к русской диалектике, утверждению верховенства любви и гармонии противоположностей над их антагонизмом. На это указывает и совместный с Валерией Дмитриевной дневник времен Великой Отечественной войны, изданный под названием «Любовь и война».

Поэтика произведений М.М. Пришвина способна придать жизненность, душевность и духовность и таком, у распространенному сегодня, мировоззрению, как физикализм, и превратить его в романтический. И к этому располагают открытия последних лет, в том числе минимального сознания у расте-

ний, природных биокомпьютеров, работающих не на цифровой, а на смысловой основе и др. В любых областях науки нужно учиться осмысливать знания не только как информацию, но и как любовь, применяя науку любви Пришвина.

Закключение. Философия любви к Природе и Человеку, любви между людьми, стремления к полному духовному соответствию, совершенному смирению, подавляющему всякий эгоизм, способности переходить от бренности и преходящести существования во времени через неповторимость и неисчерпаемость мгновения к вечности представляет собой предтечу нового экологического сознания, соответствующего вызовам современной эпохи — возможно, переходной к новой эре глобальной истории. Физический романтизм имплицитно содержит в себе и новое отношение к Технике, способное творить гармонию с Человеком и Природой.

Список источников

- [1] Фалько В.И. Субъектность природы и человека в творчестве М.М. Пришвина. Литературное наследие М.М. Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры. *Международ. науч. конф., приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя*. Москва, Государственный литературный музей, 2023, с. 5–15.
- [2] Фалько В.И. Экофилософия человека и природы в поэтике Михаила Пришвина. *Экология человека в современных трансформациях исторического времени. Коллективная монография по итогам V Всерос. науч. конф. с междунар. уч.* Москва, Русайнс, 2025, с. 104–117.
- [3] *Любовь и война. Валерия и Михаил Пришвины. 1940–1943*. Москва, Литературный музей, 2021, 520 с.
- [4] Варламов А.Н. *Охотник за счастьем*. Москва, Молодая гвардия, 2021, 548 с.
- [5] Сердюкова О.А., Полонская И.Н., Марсель Г. *Быть и иметь*. Новочеркасск, Сагуна, 1994, 160 с.
- [6] Пришвин М.М. *Дневники*. Москва, Правда, 1990, 480 с.